

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ 1987

Сборник статей

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Л. С. ЧИКОЛИНИ

Москва
«НАУКА»
1987

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
2	3 сл.	А. В. Ревякин	Г. С. Кучеренко
76	8 сл.	féforme	réforme
81	11 сл.	Thédrie	Théorie
173	6 сл.	el	et
173	12 сл.	sclete	scelte

Заказ № 3083

Веб-публикация: [Vive Liberta, 2011-2013](http://istmat.info/node/29200)

СТАТЬИ

А. Э. Штекли	Энгельс и английский перевод «Коммунистического манифеста» (1850)	3
А. В. Ревякин	Этьен Кабе о французских буржуазных революциях	25
К. М. Андерсон	Мексиканский проект Роберта Оуэна	47
Г. В. Аксенова	Барбье и Керар об авторе «Кодекса природы»	69
С. Я. Карп	Бриссо об «Утопии» Томаса Мора (80-е годы XVIII в.)	76
Э. И. Валлич	Проект аграрной реформы Огилви	86
Е. К. Кузьмичева	Идея справедливости в трудах Б. Х. Фейхоо-и-Монтенегро	100
В. Ф. Мордвицев	«Синания» — испанская утопия неизвестного автора	112
Т. А. Цавлова	О зарождении коммунистических воззрений Уинстэнли	129
В. Д. Балакин	Община в утопии Андреэ	154
Л. С. Чиколени	«Политические афоризмы» Кампанеллы	172
О. Ф. Кудрявцев	Гуманистические представления о справедливости и равенстве в «Утопии» Томаса Мора	197
Ю. К. Некрасов	Томас Мюнцер и швейцарские анабаптисты XVI в. об идее общности имущества	215

ИСТОРИОГРАФИЯ

И. Н. Осиповский	Исследование или памфлет? (О книге Дж. Ридли «Государственный деятель и фанатик. Томас Уолси и Томас Мор». Л., 1982)	235
------------------	--	-----

ПУБЛИКАЦИИ

В. М. Володарский	Ганс Гергот и утопия «О новом преобразовании христианской жизни» (Вступ. ст., пер. с нем. и коммент.)	252
-------------------	---	-----

РЕЦЕНЗИИ

А. В. Ревякин	А. Р. Иоаннисян. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840—1841 гг. М.: Наука, 1983. 272 С.	274
О. Ф. Кудрявцев	G. M. Logan. The meaning of More's «Utopia». Princeton: University Press. 1983. 296 p. Дж. М. Логэн. Значение «Утопии» Мора. Принстон. 1983. 296 С.	279

Раздел библиотеки
История идей: "от утопии к науке"
<http://istmat.info/node/29200>

Община в утопии Андреэ

Андреэ оставил глубокий след в истории немецкой общественной мысли¹. Его утопия «Описание общины христианополитан»², завершенная в первый год Тридцатилетней войны и пронизанная идеей «всеобщей реформы мира», явилась попыткой автора дать ответ на самые злободневные вопросы времени. Сознавая собственное бессилие изменить реальный ход вещей, Андреэ пишет, что создал в воображении свой маленький город-общину, Христианополь, где может устанавливаться порядок, какие сочтет необходимыми. Еще до подробного описания придуманного им общества он сообщает: «Мои граждане не расточают своего, но не зарятся и на твое, однако примут, что дашь, дадут, что попросишь. Наши законы не принуждают, а убеждают»³.

Социальные взгляды Андреэ, нашедшие наиболее полное выражение в «Христианополе», его, по общему признанию, самом значительном произведении, в советской науке не были предметом специального рассмотрения. В работах зарубежных авторов они характеризуются по-разному. Г. Г. Гурауэр, фактически заново открывший «Христианополь», первый отнес его к сочинениям о наилучшем государственном устройстве, идущим в русле традиции «Утопии» Мора⁴. Другие видели в нем: идеал христианского государства, в котором земная и небесная цель человека находятся в согласии друг с другом⁵; проект идеального государства XVII в., наиболее оригинальной чертой которого является программа воспитания⁶; тип «гильдийного коммунизма», при котором ремесло образует главную линию развития общества⁷; не столько государство, сколько сообщество, по духу близкое братству розенкрейцеров⁸; программу действия элитарного

сообщества посредством единения религии, науки и политики⁹; «утопию мануфактурного периода», своеобразие которой состоит в небывалом рационализме организации труда¹⁰; утопию христианского общества, противопоставленную реальности совершенную общину¹¹; образец справедливости и экспериментального исследования¹²; «реалистическую утопию», в которой показана жизнь общины-братства, основанная на высоких религиозных и этических принципах¹³. Исследователь из ГДР Г. Вирт считает, что Христианополь следует понимать как модель новых общественных отношений, пример братства¹⁴. Так что же такое община христианополитан?

Свой идеал социального устройства Андреэ представил в виде общины избранных (или «избранной общины», *electa civitas*)¹⁵, основополагающие принципы которой — общность имущества, участие всех граждан в труде и справедливое распределение благ. Он полагал, что благодаря этому достигаются три важнейшие цели: мир, равенство и презрение к богатству. Христианополь имеет много черт сходства с общинами гуттерцев в том их виде, как они сложились в 30-е годы XVI в. в Моравии под влиянием Якоба Гуттера. Важно отметить прямую генетическую связь моравских братьев с анабаптистами на родине Андреэ — в Бюртемберге, где анабаптистское движение существовало с 1527 г. до Тридцатилетней войны. Примерно с 1529—1530 гг. анабаптисты стали переселяться оттуда в Моравию, причем подавляющее большинство их составляли последователи Гуттера. Общественный идеал гуттерцев — отмена частной собственности и устранение всех социальных различий. По 200—400 человек они жили одним братским двором. Не отдельные лица, а гуттерцы в своей совокупности были владельцами или арендаторами зданий, земельных участков, инвентаря и скота. Даже одежду они получали от общины¹⁶. На каждого была возложена определенная хозяйственная функция. Добросовестный труд стал религиозной обязанностью. В общине не терпели праздности или работы по собственному усмотрению: каждый должен был выполнять урок. Ремесленники во всем повиновались начальнику, распределявшему

¹ Биографические сведения об Андреэ и перевод наиболее важных глав «Христианополя» см.: Из социальной утопии Иоганна Валентина Андреэ/Вступ. ст., публ., пер. и коммент. В. Д. Балакина // История социалистических учений, 1985. М., 1985. С. 249—268. (Далее: Христианополь).

² *Andreae J. V. Reipublicae Christianopolitanae Descriptio. Argentorati, MDCXIX.* (Далее: Christianopolis).

³ Christianopolis. P. 19.

⁴ *Guhrauer G. G. Der erste deutsche Staatsroman // Deutsches Museum. 1852. N 2. S. 734—754.*

⁵ *Karo G. Johann Valentin Andreae und sein Ideal eines christlichen Staates // Jahrbücher für protestantische Theologie. 1887. N 13. S. 260—297.*

⁶ Christianopolis: An ideal state of the seventeenth century/Transl. from the latin of Johann Valentin Andreae with an Historical introduction by Felix Emil Held. N. Y., 1916. P. 40.

⁷ *Mumford L. The Story of Utopias.* N. Y., 1962. P. 84—97.

⁸ *Bernery M. L. Journey Through Utopia.* L., 1950. P. 107—108.

⁹ *Scholtz H. Evangelischer Utopismus bei Johann Valentin Andreae.* Stuttgart, 1957. S. 78—83.

¹⁰ *Seibt F. Utopica: Modelle totaler Sozialplanung.* Düsseldorf, 1972. S. 120—129.

¹¹ *Dulmen R van Die Utopie einer christlichen Gesellschaft: Johann Valentin Andreae (1586—1654).* Stuttgart, 1978. S. 166.

¹² *Hansot E. Perfection and progress: Two modes of utopian thought.* Cambridge, 1974. P. 80—88.

¹³ *Eliav-Feldon M. Realistic Utopias: The ideal imaginary societies of the Renaissance, 1516—1630.* Oxford, 1982. P. 83.

¹⁴ *Andreae J. V. Christianopolis/Mit einem Nachwort von Günter Wirth.* Leipzig, 1977. S. 173—181.

¹⁵ Christianopolis. P. 54.

¹⁶ *Clusen C-P. Die Wiedertäufer im Herzogtum Württemberg und in benachbarten Herrschaften: (Ausbreitung, Geisteswelt und Soziologie).* Stuttgart, 1965. S. 49—53, 99.

работу (чаще всего на неделю), которая обязательно должна была выполняться, в крайнем случае даже ночью. Разделения труда не было. Все ремесленные операции производил один работник. Инструмент предоставлялся в длительное пользование. Ремесленники одной мастерской подчинялись начальнику не только в работе, но и в повседневной жизни. Во всем соблюдался строжайший учет. Питались вместе четыре раза в день. Холодные спали в общих спальнях, семейные имели небольшие комнаты. Дети до двух лет оставались с родителями, а потом их всех вместе воспитывала община. До крещения они находились в школе, где учились и жили¹⁷.

Далее мы покажем и черты отличия Христианополя от общин гуттерцев. Андреэ не принимал полностью их идеал мирской жизни, однако необходимо отметить влияние анабаптистских идей на формирование его мировоззрения. Община анабаптистов считала себя элитой в религиозном и нравственном отношении. Собственное отличие от лютеранской церкви она усматривала в богоизбранности. Не лишена черт элитарности и община христианополитан («избранная община»). Гуттерцы полагали, что природное себялюбие, эротические влечения и забота о семье мешают человеку до конца исполнять христианскую заповедь любви к ближнему. Человека, по их мнению, невозможно переделать, однако благодаря соответствующему устройству жизни можно свести до минимума привязанность его к миру¹⁸. Аналогичные мотивы звучат и в «Христианополе». Андреэ убежден, что не может быть в достаточной мере преодолена греховная сущность человека, а посему допускает применение наказаний, вплоть до весьма суровых. Порядки в общине не позволяют ее членам уподобляться тому, кто думает, что в этом мире построил себе вечное жилище¹⁹. Однако Андреэ значительно усилил социальное звучание анабаптистского требования общности имущества, приняв его за основу переустройства мира.

Вместе со странником, от лица которого ведется повествование, читатель проходит по городу, знакомится с жизнью граждан, их правами и обычаями. В последовательности повествования мы усматриваем продуманную систему — восхождение от менее сложного (однако жизненно важного) к более возвышенному: от сельского хозяйства — к ремеслу, от него — к наукам и искусствам. Сразу после описания внешнего вида города Андреэ переходит к рассказу о земледелии и скотоводстве. Сельскому хозяйству предназначается восточная окраина, где в 14 зданиях не только хранится весь урожай и помещается скот, но и находятся жилища сельских тружеников. Сколь сильно их положение разнится от того, что было, например, в Германии XVII в.,

Андреэ поясняет одной фразой: «Здесь нет грубости деревенских прав, а восстановлен сельский образ жизни патриархов»²⁰. На южной окраине располагаются кладовые, пекарни, мельницы, где, кроме помола, производят все, что можно сделать с помощью механизмов, которых тут придумано великое множество. На северной стороне размещены скотобойни, склады, кухни и прачечные, а на западной — мастерские для плавки,ковки, литья и формовки металлов, для изготовления соли, стекла, кирпича, гончарных изделий и всего другого, что требует сильного огня²¹.

Таким образом, в Христианополе наиболее простые виды производства располагаются на периферии. Заслуживает внимания и придуманная Андреэ система управления. Во главе работников каждой из упомянутых частей города стоит свой начальник. Эти начальники, дабы не было между ними разобщенности, образуют совет четырех. У них по два помощника, общее число которых тоже составляет четыре: каждый из них подчиняется двоим членам совета четырех²². Следовательно, через своих помощников начальники обеспечивают согласованность между производством, снабжением и обслуживанием, а также делают непрерывной (а не от случая к случаю) связь друг с другом. Управление центральной частью города строится аналогичным образом с той лишь разницей, что здесь действует коллегия из восьми мужей, которым подчиняются восемь других начальников²³. Удвоение числа должностных лиц объясняется, видимо, тем, что в центре Христианополя сосредоточены ремесла и виды деятельности, требующие большей споровки и ума, в том числе и ученые занятия²⁴, а это делает более трудной и ответственной работу начальников. В круг обязанностей последних входят не только чисто производственно-административные функции, но и надзор за правами.

Если на периферии Христианополя наряду с сельским хозяйством широко представлено ремесленное производство, то в самом городе оно безраздельно господствует, ибо «весь город состоит из мастеров»²⁵. Андреэ понимал, сколь велика роль ремесленников в жизни города²⁶, поэтому и отвел им весьма достойное место в идеальной общине. Не просто работникам ручного труда (хотя этот вид деятельности пользуется среди христианополитан большим уважением наряду с научными занятиями),

²⁰ Христианополь. С. 255; Christianopolis. P. 36—37.

²¹ Христианополь. С. 255—257; Christianopolis. P. 38—42.

²² Христианополь. С. 256; Christianopolis. P. 38.

²³ Христианополь. С. 263; Christianopolis. P. 57.

²⁴ В общине христианополитан большую роль играет наука. Здесь мы не касаемся этого вопроса, предполагая посвятить ему специальное исследование.

²⁵ Христианополь. С. 265; Christianopolis. P. 64.

²⁶ См., например: Белов Г. фон. Городской строй и городская жизнь средневековой Германии. М., 1912. С. 10—112; Стоклицкая-Гершкович В. В. Очерки по социальной истории немецкого города в XIV—XV веках. М.; Л., 1936. С. 64—104.

¹⁷ Müller L. Der Kommunismus der mährischen Wiedertäufer. Leipzig, 1927. S. 89—103.

¹⁸ Clasen C.-P. Op. cit. S. 100.

¹⁹ Христианополь. С. 261—262, 265; Christianopolis. P. 54—55, 63.

а именно умелым ремесленникам, каких было немало в Германии. В Христианополе высокий уровень мастерства достигается тем, что людей не принуждают, точно рабочий скот, к незнакомым занятиям, а предварительно обучают, дабы они глубоко постигли суть своего дела и потом получали удовольствие от работы. Перечислив около 30 ремесел, Андреэ добавляет, что там есть и другие в неменьшем количестве. Женщины посвящают себя традиционным для них занятиям²⁸.

В литературе отмечалось, сколь продуманно Андреэ разместил в Христианополе ремесленников²⁹. Мы же более склонны считать, что здесь он не столько открывал новое, сколько описывал существовавшее в его время. Последнее касается цеховой организации ремесла. Хотя Андреэ прямо и не говорит, что все ремесленники объединяются в гильдии соответственно занятиям и каждому цеху отведено свое место в городе, однако цеховая организация проступает достаточно четко. В каждой из четырех больших башен устроен зал, в котором собираются жители этой части города столь часто, как того требуют законы, для богослужения и обсуждения общих дел³⁰. Напрашивается аналогия с цеховым домом или залом для собрания гильдии (Zunfthaus, guildhall). Любопытная деталь: у жителей отдельных частей города могут быть *общие* дела, не подлежащие обсуждению всеми гражданами. В этом и свидетельство известной автономности *самоуправления* ремесленных групп, и еще одна черта сходства с ремесленными гильдиями. Ярко выраженной «иерархии цехов» в Христианополе нет, тем не менее высококвалифицированный труд пользуется особым уважением — часовщиков здесь ценят иначе, нежели слесарей, а органичных дел мастеров — не так, как столяров³¹.

Социальная природа общины христианополитан определяется организацией производства, а также характером труда и распределения. Здесь почти все ремесленники — образованные люди. Они работают с удовольствием, не только по необходимости, но и состязаясь в умении. Соразмерность труда и досуга укрепляет силы, поэтому к работе они всегда приступают с воодушевлением, что идет только на пользу здоровью. Все выполняется по предписанию начальников, которые заранее определяют, сколько чего надлежит изготовить. Изделия поступают на общественные

склад. Там же каждый мастер получает и все необходимое для работы на неделю³².

Таким образом, ремесленники даже одной специальности трудятся каждый в своей мастерской, т. е. сохраняется мелкое ремесленное производство. Вместе с тем наличие единого склада сырья и готовой продукции, а также начальников-контролеров обеспечивает централизацию производства. Это обстоятельство порождает у исследователей ассоциации с известными историческими явлениями. С одной стороны, здесь много сходного со средневековым цехом (регламентация, контроль), но, с другой стороны, П. Йоахимсен прямо называет мастерские Христианополя мануфактурами³³, а по мнению Ф. Зайбта, Андреэ явился теоретиком централизованного производства³⁴. То, что ремесло в «избранной общине» несет на себе отпечаток цеховой системы, не подлежит сомнению. Однако попытки представить Андреэ теоретиком раннекапиталистической мануфактуры, на наш взгляд, беспочвенны. В Христианополе, где нет частной собственности и купли-продажи, цель производства состоит не в получении максимальной прибыли мануфактуристами (каковых здесь тоже нет), а в обеспечении граждан всем необходимым. Термин «мануфактура» даже в технологическом аспекте столь же мало применим к ремесленной деятельности в Христианополе, как и к общественным мастерским утопийцев и соляриев. «Ни Мор, ни Кампанелла, на наш взгляд, не звали к созданию „государственных мануфактур“... Мастерские утопийцев и соляриев это... общественные мастерские, где торжествует новый способ производства, основанный на общественной собственности, всеобщем коллективном труде и справедливом распределении благ»³⁵. Общественный идеал Андреэ был весьма далек от тех порядков, которые формировались на базе мануфактурного производства.

В Христианополе новое отношение к труду не такое, как в мастерской средневекового ремесленника или на мануфактуре. Члены «избранной общины» работают не из «интереса», не по принуждению или из страха голодной смерти, а на совесть, стремясь быть первыми в своем ремесле. Рабочий день весьма непродолжителен, однако выполнить успевают много, поскольку считается позором отлынивать от дела³⁶. Неясно, сколько часов в день христианополитане посвящают труду. Думается, что, не стремясь перещеголять Мора и Кампанеллу (утопийцы работают по 6, а солярии по 4 часа в сутки), Андреэ задумал рабочий день непродолжительным (6, 8 или даже 10 часов) по сравнению с

²⁷ Христианополь. С. 257; Christianopolis. P. 41.

²⁸ Христианополь. С. 258; Christianopolis. P. 45—46.

²⁹ См., например: Mumford L. Op. cit. P. 85. Правда, эта продуманность в некоторой степени диктуется «символикой чисел»: поскольку в городе *четыре* стороны, там занимаются переработкой *четырёх* видов сырья металлов, камней, дерева и всего, из чего изготавливают ткани. См.: Христианополь. С. 258; Christianopolis. P. 44; см. также: Иконников А. В. Смысловые значения пространственных форм средневекового города. Культура и искусство западноевропейского средневековья. М., 198. С. 105—118.

³⁰ Христианополь. С. 255, 259; Christianopolis. P. 37—38, 47.

³¹ Христианополь. С. 258; Christianopolis. P. 45.

³² Христианополь. С. 258—260; Christianopolis. P. 44—50.

³³ Joachimsen P. Johann Valentin Andreae und die evangelische Utopie // Zeitwende. 1926. N 2. S. 488.

³⁴ Seibt F. Op. cit. S. 125.

³⁵ Штекли А. Э. «Город Солнца»: Утопия и наука. М., 1978. С. 301, 303.

³⁶ Христианополь. С. 260; Christianopolis. P. 49.

оним у грешных мирян. Вспомним, что и гуттерцам порой не хватало светового дня и они прихватывали часть ночи.

Гражданская сознательность христианополитан проверяется их коллективным участием в общественных работах (сторожевая и дозорная служба, жатва, сбор винограда, строительство дорог и домов, рытье водоотводных канав, вспомогательные работы в мастерских), от которых никто не освобождается по своему положению. Они нечесты и непродолжительны и возлагаются на всех поочередно. Никто не считает зазорным, пишет Андреэ, брать на себя любые *не слишком грязные работы*³⁷ — таковы возлагаются на провинившихся в виде наказания³⁸. Следовательно, признавая важнейшим стимулом к труду склонность человека и его сознательность, Андреэ видит и предел, за которым эти стимулы становятся недостаточными. Тогда появляется необходимость принуждения. Кроме того, труд, даже и приносящий радость, остается обязанностью, контролируемой начальниками. Андреэ, не разделяя отношения Мора к физическому труду как телесному рабству, не принял и убеждения Кампанеллы, что в государстве, где на первом месте стоят интересы целого, никто не принуждается к труду, губительному для него как личности³⁹. Пример гуттерцев, прибегавших, когда надо, и к принуждению, казался ему более убедительным.

Но какое содержание Андреэ вкладывает в понятие «труд»: только физическую работу или любую полезную для общества деятельность? Ф. Зайбт убежден, что в Христианополе все ремесленники являются учеными, а все ученые занимаются ремеслом⁴⁰. На первый взгляд это именно так. Ведь Андреэ пишет, что в Христианополе почти все ремесленники — образованные люди, ибо науки не столь сложны, а ремесла не столь тяжелы, чтобы один человек не мог освоить и то и другое⁴¹. Однако Зайбт не принимает во внимание очень важный аспект — *специализацию*. Между тем ясно, что многие виды деятельности, прежде всего медицина, которую христианополитане высоко ценят, не терпят любительства. Да и ремесленники занимаются преимущественно физическим трудом, а не науками, хотя и могут потешить себя изобретениями, но лишь при условии, если на складе достаточно припасов⁴². «Тех, кто особенно хорошо овладел ремеслами, назначают наставниками других»⁴³. Значит, человек, хотя и способен совмещать ремесло с наукой, преуспевать (например, *особенно хорошо* освоить ремесло) может, лишь отдав предпочтение чему-то одному, т. е. на пути специализации. Когда Андреэ пишет, что в Христианополе работают все, это не

значит, что все заняты физическим трудом. Каждый выполняет свое основное дело, которому учился и в котором достиг мастерства.

Если признать работой только физический труд, то получится, что науки — праздное занятие, следовательно, врачи и учителя, исполнив свои прямые обязанности, должны отработать еще и норму ремесленника. Нелепость такого предположения очевидна. Правда, они иногда *помогают* в мастерских, но, во-первых, это, повторяем, бывает нечасто и длится недолго, а во-вторых, раз возникает необходимость периодически *помогать* там, значит, есть и люди, занятые этим делом постоянно. На систематическое занятие науками у ремесленников уже не остается времени, тем более что мы не знаем, сколько длится «непродолжительный», по Андреэ, рабочий день: он может быть и весьма долгим. Труд, как видно, измеряется не продолжительностью работы, а выполненной нормой⁴⁴. Вспомним, что гуттерцы отстающих заставляли работать по ночам. В Христианополе порядки более гуманны. Коллективное участие граждан в общественных работах избавляет от переутомления тех, для кого физический труд — постоянная обязанность. Здесь каждому работающему остается время для отдыха.

В Христианополе обилие предметов как общественного, так и личного пользования, «поскольку весь город состоит из мастеров»⁴⁵, а участие в труде — обязанность каждого. Указав на эти два главных источника процветания, Андреэ не забывает сделать существенную оговорку: претендовать можно на удовлетворение лишь насущных потребностей. Несмотря на «обилие», распределение предметов потребления строго регламентировано. Ни у кого нет собственного дома, жилища предоставляются каждой семье в пользование, и если община потребует, то семья тут же переселяется. Дома содержатся на общественный счет, и должностные лица ревностно следят, чтобы ничто не подвергалось не только порче, но и переделке⁴⁶. Соответственно и кладовые в жилищах невелики, там мало что хранится — утварь имеется самая необходимая. Одежда только двух видов — для работы и для отдыха, вся одного покроя, различия диктуются полом и возрастом; ткани — льняная и шерстяная, соответственно для лета и зимы, цвет для всех белый и серый⁴⁷. Андреэ верит, что при соответствующей умеренности хватит и не слишком больших припасов, а голодных не будет, если никто не станет предаваться обжорству и пьянству⁴⁸.

Таким образом, а Христианополе из общности имуществ и

³⁷ Христианопись. С. 264; Christianopolis. P. 60.

³⁸ Christianopolis. P. 186.

³⁹ Штрекли А. Э. «Город Солнца». С. 270.

⁴⁰ Seibt F. Op. cit. S. 127.

⁴¹ Христианопись. С. 258; Christianopolis. P. 45.

⁴² Христианопись. С. 260; Christianopolis. P. 49.

⁴³ Христианопись. С. 258; Christianopolis. P. 45.

⁴⁴ В городе Солнца тоже мерой труда являются его результаты, а не отработанное время. «Поэтому, естественно, когда в „Городе Солнца“ речь идет о продолжительности рабочего дня, подразумеваются труды всякого рода» (Штрекли А. Э. «Город Солнца». С. 294—295).

⁴⁵ Христианопись. С. 265; Christianopolis. P. 64.

⁴⁶ Христианопись. С. 264; Christianopolis. P. 61—62.

⁴⁷ Христианопись. С. 265; Christianopolis. P. 63—64.

⁴⁸ Христианопись. С. 256; Christianopolis. P. 38.

участия всех в труде вытекает общность потребления, обеспечиваемая справедливым распределением благ, понимаемым в духе Евангелия: что даровано всем людям, то воздается каждому. Один из членов триумvirата, судья, следит, чтобы надлежащим образом применялись меры, веса и числа и во всем соблюдалась точная пропорция⁵⁰, т. е. соответствие нормы распределения имеющимся запасам. Однако судья исполняет контрольную функцию, а практически раздачу осуществляет его помощник — эконом общины. Он заботится, чтобы все доходы и припасы распределялись таким образом, «дабы не досталось кому-либо меньше, чем следует» (*ne quid aequo minus cuiquam obtinget*), т. е. менее общепризнанной нормы. Ему это легко удается, ибо никто не добивается привилегий в питании и не требует кушаний больше, чем диктуют время года и обычай города, а все до единого соблюдают равенство (*aequalitatem*); «раздача производится по числу едоков в зависимости от количества припасов» (*expedita ergo numero et annona diribitio*). Он столь равномерно распределяет среди граждан съестные припасы (буквально: «наделяя граждан поровну съестными припасами», *cives cum annona aequat*), что они никогда не голодают, никогда не передедают⁵¹.

Справедливое (по Андреэ) распределение благ, с одной стороны, исключает привилегии для кого бы то ни было, но, с другой стороны, не предполагает и уравнивания в потреблении взрослых и детей, стариков и молодых, больных и здоровых. На пример, роженицам из общественной кухни выдают наиболее вкусную и полезную пищу⁵². Значит, распределение осуществляется с учетом потребности каждого, но в пределах установленных общиной. Минимум потребностей, на удовлетворение которых можно претендовать в Христианополе, достаточен. Предметы обихода и одежда, при всей своей изначальной простоте, вполне отвечают прямому назначению. Что касается еды, то она вкусна и соответствует требованиям диететики⁵³. «Обилие», по Андреэ та мера, которая обеспечивает полноценную жизнь, но не допускает пресыщения. Утвердившийся в Христианополе порядок есть «братское единение» (*fraterna communio*), опирающееся на общность имущества (*bonorum societas*). Важно отметить, что члены общины усматривают источник всех благ в труде, не рассчиты-

вая на изобилие, чудесным образом дарованное всевышним⁵⁴. Денег ни у кого нет, однако община имеет казну⁵⁵. Все купленное за деньги они считают доставшимся дешево, а приобретенное кровью — дорого⁵⁶.

Таким образом, хозяйственная жизнь в «избранной общине» строится по обычаям первоначальных христиан, возрожденным на пороге нового времени анабаптистами, в частности гуттерцами, с теорией и практикой которых Андреэ, по всей вероятности, был знаком и многое у них позаимствовал. Понимаемое в духе Евангелия равенство не позволяет христианополитанам иметь частную собственность и велит трудиться в меру своих сил на благо общины, не требуя для себя больше того, что признано необходимым. В этом Андреэ видел проявление справедливости.

Христианополь — не такая община, все интересы которой сосредоточены лишь на подготовке к загробной жизни. Свой земной путь они проходят в «братском единении», не отказывая себе в радостях бытия. Их законы и установления предписывают не умерщвление плоти, а заботу о здоровье, дабы каждый мог в полной мере исполнять обязанности, возлагаемые на него общиной, а не влачить, будучи больным душой и телом, жалкое существование⁵⁷. Вместе с тем их отличает, например от государства соляриев, дух патриархальности, особенно сильно дающий себя знать в семейно-брачных отношениях. Община складывается из отдельных семей, каждой из которых предоставляется жилище, состоящее из отапливаемой комнаты, кухни и спальни и рассчитанное на четыре-пять человек: мужа, жену и двух-трех малых детей; все старшие дети живут при школе, где им обеспечены питание и надлежащий уход⁵⁸. Христианополитане живут не семьями-домохозяйствами, как крестьяне и ремесленники современной Андреэ Германии⁵⁹, а малыми, или парными, семьями, какие тогда можно было встретить у гуттерцев. Характер собственности и производственных отношений в Христианополе делал ненужной семью-домохозяйство, превращая супружескую пару в союз ради продления рода. На это Андреэ обращает особое внимание: в брак вступают не из похоти, а для деторождения⁶⁰. Поскольку слуги и служанки здесь большая редкость и нужны только для ухода за больными, роженицами и малыми детьми, муж и жена по взаимному согласию выполняют обязанности по дому⁶¹. Христианополитане не ведают гнета бытовых забот, при-

⁴⁹ Christianopolis. P. 39: «Quod omnium hominum donarium est, singulorum est». Характерному для Андреэ евангельскому (христианскому) пониманию равенства можно противопоставить гуманистическое, заимствованное из античных учений об обществе различие «геометрического» («пропорционального») равенства, т. е. соответствующего достоинству, и «арифметического равенства» (поголовного поравнения). Сб. об этом: Штекли А. Э. «Утопия» и античные представления о равенстве // Античное наследие в культуре Возрождения. М., 1984. С. 89—98.

⁵⁰ Christianopolis. P. 82: «Huius est mensuras, pondera, numeros rite adhibere et exactum rerum proportionem administrare».

⁵¹ Christianopolis. P. 85—86.

⁵² Ibid. P. 193.

⁵³ Перечень выдаваемых продуктов: Христианополь. С. 255—259.

⁵⁴ Christianopolis. P. 154.

⁵⁵ Интересно, что деньги используются, помимо всего прочего, и для выплаты налога императору. Андреэ мысленно представлял Христианополь как бы городом, входящим в состав Империи.

⁵⁶ Христианополь. С. 260; Christianopolis. P. 49.

⁵⁷ Christianopolis. P. 169.

⁵⁸ Христианополь. С. 259, 264; Christianopolis. P. 49, 61, 172.

⁵⁹ См. об этом: Ястребицкая А. Л. Семья в средневековом городе // Вопр. истории. 1985. № 8. С. 68—81.

⁶⁰ Christianopolis. P. 193.

⁶¹ Христианополь. С. 259; Christianopolis. P. 62.

бегая к услугам общественных мастерских, прачечных и кухонь, однако готовить и питаться предпочитают дома⁶².

К браку христианополитане относятся очень серьезно и вступают в него весьма осмотрительно. Поскольку им неведомы ни погоня за приданым, ни опасность остаться без средств к существованию, при вступлении в брак имеют значение лишь добродетельность и красота, а также сходство характеров и приятность в обхождении. Юноше 24 лет позволительно брать в жены 18-летнюю девушку — с согласия родителей и одобрения родственников. Молодым опорой в совместной жизни служат пример родителей, знания и навыки, полученные во время обучения. Утварь выделяется из общественных средств вместе с жилищем. Вслучайно возникающие трения устраняются благодаря совету и помощи друзей, и только за супружескую измену предусмотрены суровые наказания. Разврат считается величайшей виной, весьма строго караемой по закону. Однако, замечает Андреэ, его легко удается избежать, поскольку любая возможность для этого исключена⁶³: надзор осуществляется самым тщательным образом. И вообще здесь подростки следят за младшими детьми, женатые наблюдают за холостыми⁶⁴ — и, надо думать, первые за вторыми и все друг за другом. Правда, о доносах Андреэ не упоминает ни словом. Следовательно, в них нет нужды благодаря эффективности надзора.

Так в Христианополе воплотились некоторые черты кальвинистской Женевы, где Андреэ провел весну — лето 1611 г. Действительно сводбный, по его мнению, политический строй и нравы этого города произвели на него неизгладимое впечатление. Особенно ему понравилось, что поведение граждан еженедельно подвергается проверке — сначала квартальными инспекторам, а затем, если требовалось, старшинами и, наконец, сенатом. В автобиографии Андреэ пишет, что, если бы не различие в вере (*religionis dissonantia*), он навсегда остался бы в Женеве⁶⁵.

И смысл супружества, и высшее достоинство женщин «избранной общины» — в деторождении. Этим, заявляет Андреэ, женщины превосходят любого героя или атлета: убить проще, чем дать жизнь. Повивальные бабки в чести, и ими становятся только наиболее опытные. Кормилицы допускаются лишь в случае необходимости, поскольку считают, что ребенка следует вскармливать материнской грудью. За роженицами и новорожденными чаще всего ухаживают вдовы, но заботу о младенцах иногда берут на себя и девушки⁶⁶.

Уважительное отношение к женщинам определяется не только

этой самой природой назначенной им ролью матери, но и их весьма активным участием в жизни общины, прежде всего в производстве. Их обязанностью являются традиционные женские ремесла (пряжение, ткачество, шитье, штопка, вышивание), а также заботы по поддержанию порядка в доме⁶⁷. Полученные в школе знания они по мере способностей совершенствуют, чтобы позднее применить их в преподавании. В школе девочек обучают почтенные женщины, отличающиеся не меньшей ученостью, чем мужчины. «Я не понимаю, почему этот пол, от природы не менее восприимчивый к учению, в других местах отлучен от науки!»⁶⁸ — восклицает Андреэ. Вдовы живут во вдовьем приюте, где трудятся на благо общины. Их почитают как матерей и привлекают к воспитанию и обучению детей⁶⁹. Хотя Андреэ не признает за женщинами иной власти, кроме власти над домашней утварью, в Христианополе ни одна жена не низводится до положения прислуги⁷⁰. Супруги теолога, судьи и ученого, носящие аллегорические имена Совесть, Рассудительность и Истина, видят свое назначение в том, чтобы помогать мужьям.

Здесь прочность супружеских уз такова, что разорвать их способна лишь смерть. Вдовы и вдовцы могут повторно вступать в брак спустя год после утраты близкого человека. Сиротам, пишет Андреэ, нечего опасаться, ибо о всех детях заботятся одинаково: «Ведь никто в этом государстве не имеет одних только родителей, но родителем является и само государство»⁷¹. Эта максима, на наш взгляд, наиболее ярко выражает мысль: Христианополь — единая семья. До шести лет ребенка пестуют мать с отцом, а затем он переходит на попечение «общего для всех родителя»: его воспитывают вместе с другими детьми⁷².

В общине весьма гуманно обращаются с престарелыми, оказывая им большое уважение. Здесь заботятся, чтобы они были избавлены от любых тягот, ибо старость сама по себе — бремя. И все же, считает Андреэ, поскольку они трудились на благо общины, ничто не может быть достаточной благодарностью им⁷³. Христианополитане обходительны и щедры в отношении чужеземцев, однако следят, как бы те не занесли дурных нравов. Гостя принимают два дня, изгнанника содержат довольно долго, больного чужеземца выхаживают. Бедняка, оказав ему помощь, отпускают не с пустыми руками. Но прежде всех тщательно испытывают словом и делом. Попрошаек не терпят⁷⁴. Рассказ о том, как в Христианополе борются с болезнями, послужил Ан-

⁶² Христианополь. С. 256—259; Christianopolis. P. 39—40, 61—62.

⁶³ Christianopolis. P. 187—188.

⁶⁴ Ibid. P. 172.

⁶⁵ Joannis Valentini Andreae Vita, ab ipso conscripta/Hrsg. von R. H. Rheinwald. В., 1849. P. 24; ср. также: *Bunner P.* Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма. М., 1894. С. 248—250, 294—297, 327—340 и др.

⁶⁶ Christianopolis. P. 192—193.

⁶⁷ Христианополь. С. 258—259, 265; Christianopolis. P. 46, 48, 63, 190.

⁶⁸ Christianopolis. P. 119.

⁶⁹ Ibid. P. 194—195.

⁷⁰ Ibid. P. 191—192.

⁷¹ Ibid. P. 195.

⁷² Подробнее об этом см.: *Балакин В. Д.* Общественное воспитание в социальной утопии Андреэ // История социалистических учений, 1986. М., 1986. С. 154—173.

⁷³ Christianopolis. P. 205.

⁷⁴ Ibid. P. 207—208.

друзья поводом для резкой критики современных ему порядков: «Здесь не так, что магнат опустошает аптеку, а простой человек страдает, не получая помощи, врачи толпятся возле господ, а бедняки никого не дозовутся». Христианополитане научились исцелять тело и утешать душу. Для этого у них есть специальные заведения. Умалишенных, не представляющих угрозы для окружающих, терпят в своей среде, опасных же изолируют, но обращаются с ними гуманно⁷⁵.

Итак, при всей строгости нравов и простоте жизни порядки в общине лишены нарочитой суровости, присущей ревнителям истинной веры (например, гуттерцам), для которых весь земной путь человека лишь подготовка к загробному блаженству. Патриархальность организации не мешает уважать достоинство человека, предоставлять индивиду известную свободу распорядиться своей судьбой (брак по любви), расширять сферу общественной активности женщин. Милосердие в «избранной общине» не догма или благое пожелание, а норма жизни.

Патриархальность находит выражение и в том, что правление в Христианополе не тирания, а некое подобие отцовской власти, осуществляемой примером и убеждением, авторитетом и ясным советом. По-отечески держатся начальники, а граждане относятся к ним с почтением. Если в современном Андрее общество, ставшем объектом его критики, господствуют тирания, лицемерие и софистика, то среди христианополитан лишь тот направляет, кто сам не нуждается в исправлении, только ученый учит, а порядки устанавливает закон. Андрее явно не одобряет соображения так называемого государственного интереса, зачастую идущего вразрез с интересами народа: в Христианополе нет необходимости в тайных предписаниях, здесь открыто боятся бога и любят ближнего — таково, считает Андрее, основное содержание божественного закона, и человеческого общежития⁷⁶. Христианополитане хотя и смотрят с отвращением на оружие, однако каждый гражданин для отражения опасности имеет его наготове у себя дома⁷⁷.

Эта особенность социального устройства «избранной общины» должна, по мысли Андрее, лишней раз оттенить совершенство царящих в ней порядков: если вооруженный народ с почтением относится к начальникам, значит, те заслужили его полное доверие. Здесь быть на должности — значит служить народу, а не положением пользоваться. Возможность главенствовать прерогатива добродетели, поэтому избрание в начальники рассматривается как признание заслуг, вид почести. Особо отличившихся граждан прославляют, воздвигают в их честь статуи, их образы запечатлевают на картинах⁷⁸. Вместе с тем это и дополнительное бремя обязанностей, не дающее «плотской» вы-

годы: равенство в потреблении и воздаяние по достоинству (подкрепленное надеждой на вечное спасение) при распределении почестей и должностей делают «невыгодным» стремление к власти. Социальные условия Христианополя заставляют граждан восходить к вершинам добродетели, ибо только она приносит почет и уважение. Честолюбцу там не на что рассчитывать, ему не дадут властвовать. К управлению делами общины призывают наиболее достойных, расценивающих это и как почесть, и как свою святую обязанность.

Когда Андрее трактует вопросы государственного устройства, он говорит уже не о «христианах-протестантах и мирянах-католиках», а о мирянах-католиках, псевдохристианах-протестантах⁷⁹ и христианах «избранной общины». В своем стремлении следовать предписаниям Евангелия Андрее идет значительно дальше Лютера, отвергнувшего требования вернуться к общежитию времен первых христиан. Трехчленная классификация «миряне — псевдохристиане — христиане» соответствует уже не Лютеровым двум, а трем царствам анабаптистов⁸⁰, считавших возможным собрать зримую общину предопределенных к спасению (какой, в сущности, и является «избранная община» христианополитан). Признавая лютеранское «Аугсбургское вероисповедание» (*Confessio Augustana*), в вопросах мирской жизни Андрее склонялся к более строгой анабаптистской морали⁸¹. Он говорил так: «Христианополитане порицают не нашу религию, а наши нравы»⁸².

Есть одна черта в социальном устройстве общины христианополитан, которая особенно роднит их с анабаптистами: это непререкаемый авторитет Священного писания⁸³. Анабаптисты пытались практически всю жизнь перестроить в соответствии с дословными требованиями Писания, которое для них было не просто источником вероисповедальных истин, но и обязательной нормой для установления хозяйственных, социальных и политических порядков. Так и у христианополитан: отсутствует частная собственность, нет каких бы то ни было привилегий, все

⁷⁵ Ibid. P. 210—211.

⁷⁶ Христианополь. С. 263; Christianopolis. P. 58.

⁷⁷ Christianopolis. P. 94—95.

⁷⁸ Христианополь. С. 261; Christianopolis. P. 53—54, 96.

⁷⁹ Christianopolis. P. 76. В «Христианополе», изобилующем выпадами против католиков, много язвительных слов сказано и по адресу протестантов. Исследователи отмечали, что система государственной церкви не знала более решительного критика, чем Андрее. См.: *Brecht M. Kirchenordnung und Kirchengenossenschaft in Württemberg vom 16. bis zum 18. Jahrhundert*. Stuttgart, 1967. S. 79.

⁸⁰ *Hillerbrand H. J. Die politische Ethik des oberdeutschen Täuferiums*. Leiden: Köln, 1962. S. 74—81.

⁸¹ О вюртембергских анабаптистах К.-П. Клазен пишет: «Строгость нравов анабаптистов прямо-таки вошла в поговорку. Бывали курьезные случаи: не в меру благочестивых лютеран подозревали в принадлежности к анабаптистам. См.: *Clasen C.-P. Op. cit.* S. 83—90. Строгость и аскетичность нравов гуттерцев отмечал А. Н. Чистозвонов в статье «Вопросы морали и семьи у анабаптистов XVI века» (Средние века. М., 1963. Вып. 23. С. 85).

⁸² Christianopolis. P. 179.

⁸³ Ibid. P. 93.

трудятся и живут в «братском единении». Особое значение придается Новому завету. Новозаветный библицизм анабаптистов (и христианополитан) значительно превосходит библицизм Лютера, для которого Писание содержит лишь благую весть бога а не новые законы⁸⁴. Все же в истолковании таинств Андреэ решительно расходится с анабаптистами: в Христианополе «таинства отправляются по установлению Христа и по обычаю первоначальной церкви»⁸⁵, но эти установления и обычаи предписывают здесь крестить младенцев в первый день жизни⁸⁶. Андреэ не примкнул к анабаптистам⁸⁷, однако их строгую мораль (так же как и нравы кальвинистской Женевы) принял в качестве средства реформировать христианскую жизнь — одного из основных компонентов «всеобщей реформы мира».

Для Андреэ было важно, как вероучение отражается на жизни общества, прежде всего на его нравственности и просвещении. Конфессиональная полемика претила ему. 12 статей символа веры христианополитан, выбитые на одной из двух медных досок у входа в храм, принципиально не противоречат учению Лютера⁸⁸. Правда, на каждый из этих пунктов наложило свой отпечаток толкование Арндтом идеи «подражания Христу», но это не имеет сугубо теологической подоплеки. Таким виделся Андреэ идеал нравственной христианской жизни.

На второй доске выбиты 10 (по числу библейских заповедей) основных принципов политического строя Христианополя. Они выражают стремление (каждый из пунктов начинается со слова *Studemus* — «Мы стремимся») к добру: любить родителей, уважать старших, по совести поступать с ближними, оставлять потомкам добрую память о себе, обуздывать гнев, сдерживать нетерпение, ценить человеческую жизнь, не помышлять о мести, избегать зависти, соблюдать непорочность и воздержанность, бережно и с достоинством пользоваться благами, приобретать и делить их как можно справедливее, распространять свет истины, утверждать чистоту совести, защищать невинных и карать виновных, мирно жить в своих домах и общую жизнь устраивать так, чтобы каждый употреблял на благо всех то, что у него есть⁸⁹.

Всем прочим формам государственного устройства христианополитане предпочитают «власть лучших», полагая, что она более всего соответствует христианскому обществу. Чин единодержавца они оставляют за Христом, поскольку человек, вознесенный

слишком высоко, обнаруживает склонность к тирании. В Христианополе правит триумвират в составе Теолога, Судьи и Ученого. На эти должности допускаются лишь мужи наилучшие и опытейшие. Здешний триумвират, считает Андреэ, наиболее совершенная форма правления, утверждающая три важнейших для человечества блага: равенство, миролюбие и презрение к богатству⁹⁰. О процедуре избрания триумвиров ничего не говорится. Видимо, это люди, столь резко выделяющиеся своими достоинствами из общей массы, что они единодушно «допускаются» к высшей власти.

Триумвират олицетворяет собой единение Религии, Справедливости и Учености. У каждого правителя свое поле деятельности, но и два других постоянно в курсе его дел: они совместно принимают решения на благо общества. Каждый из них имеет свой сенат, однако по определенным дням они объединяются, дабы по общему согласию принимать решения, касающиеся высшего управления государством⁹¹. Три высших правителя Христианополя — исполнительная власть. Законодательной власти нет, да она и не нужна, ибо в общине царят наилучшие порядки. Законом служат заповеди на двух медных досках у входа в храм, и новые установления не нужны. Правда, допускаются улучшения⁹² согласно нравственному совершенствованию, но принципиально они ничего не меняют.

Единение Религии, Справедливости и Учености обеспечивается состоящим при них в качестве толмача Красноречием — Канцлером общины. Это интереснейшая фигура среди магистратов Христианополя. На первый взгляд может сложиться ошибочное впечатление, будто он выполняет чисто служебные функции при триумвирах: излагает и доводит до сведения народа решения сенаторов, диктует писцам⁹³. Правда, Андреэ говорит, что должность канцлера очень важна, ибо в плохом государстве он — наихудший из людей, а в хорошем — наилучший⁹⁴. Однако и эти слова лишь намек на его истинную роль. А между тем Канцлер, являясь посредником между триумвирами и богом, служит выразителем его воли, благодаря чему приобретает для общины то же значение, какое Христос имеет для университета⁹⁵, — образца и учителя на пути к высшему совершенству.

Таким образом, толмач, выразитель воли всевышнего, объединяет в себе функции руководителя людей (судьи, политика), священника и учителя и, формально не принадлежа к числу высших правителей, становится тайным властителем Христианополя. За канцлером отчетливо просматривается сам Андреэ, построивший в своем воображении этот маленький город-общину,

⁸⁴ *Clasen C.-P.* Op. cit. S. 78—79. Параллели с «Христианополем» Андреэ проведены нами.

⁸⁵ *Christianopolis.* P. 182.

⁸⁶ *Ibid.* P. 193.

⁸⁷ В XVI — начале XVII в. ученые люди были чужды анабаптизму. См., например: *Clasen C.-P.* Op. cit. S. 144.

⁸⁸ *Christianopolis.* P. 70—73; *Brecht M.* Op. cit. S. 59. Во время чтения псалмов христианополитане восхищаются духом блаженного Лютера. См.: *Christianopolis.* P. 181.

⁸⁹ *Christianopolis.* P. 74—76.

⁹⁰ Христианополь. С. 267; *Christianopolis.* P. 68, 156.

⁹¹ Христианополь. С. 266—267; *Christianopolis.* P. 67—68.

⁹² *Christianopolis.* P. 199.

⁹³ Христианополь. С. 267; *Christianopolis.* P. 69.

⁹⁴ *Christianopolis.* P. 90.

⁹⁵ *Ibid.* P. 91.

дабы властвовать в нем по своему усмотрению, осуществлять, как он пишет, диктатуру⁹⁶ (*dictatura*). Высшие нравственные и духовные требования, предъявляемые Андреэ к себе самому, становятся идеалом человека, претендующего на высший авторитет. Канцлер служит воплощением этого идеала, и в заключительной части «Христианополя» происходит своего рода диалог Андреэ с самим собой: к страннику, от имени которого ведется повествование и за которым, бесспорно, стоит автор Андреэ, обращается Канцлер Андреэ: «Ты же, умоляем, оставайся нашим — здесь ли, в другом ли месте». Путешественник после детального знакомства с Христианополем, собираясь временно покинуть его, дабы собрать своих друзей, рассеянных по свету, и вместе с ними снова вернуться сюда, отвечает: «Этой вашей общине предназначаю свои труды, стремления, желания, молитвы... Где будешь ты, там буду и я»⁹⁷.

В Христианополе собственно политическое управление отходит на второй план, уступая место управлению экономическому и социальному. Задачу политики Андреэ понимает как руководство людьми и потому приходит к заключению, что управлять делами государства может лишь тот, кто способен воспитывать молодежь⁹⁸. Весьма примечательно, что один из триумвиров, Судья, не выполняет собственно судебных функций. Он действует по заповеди — никому не причинять того, чего не желаешь себе, а чего желаешь себе, того добиваться для всех⁹⁹. Главная забота Судьи — руководство членами общины. В Христианополе вся деятельность, связанная с толкованием и применением законов, сведена до минимума. Здесь не приходится решать спорных дел, ибо разногласия среди христианополитан не столь велики, чтобы невозможно было уладить полюбовно¹⁰⁰.

Членами сенатов при триумвирах являются, пишет Андреэ, лучшие из граждан, отличающиеся благочестием, искренностью и трудолюбием. Они избираются в количестве 24 человек равными долями от трех сословий¹⁰¹. О характере сословий Андреэ высказывается весьма туманно, и можно лишь догадываться, что речь идет о «кормящем сословии», преподавателях и ученых¹⁰². Различия между ними не имеют антагонистического характера. Весьма примечательно, что священники не составляют отдельного сословия и не допускаются (кроме одного, самого главного, — Теолога) к управлению делами общины. В этом выразилось критическое отношение Андреэ к существовавшей в современной ему Германии системе государственной церкви. Сенаторы за свою приверженность интересам общины пользуются большим уважением. Они усердно трудятся для общего блага, старательно со-

храняя завещанные предками порядки. Никто из них не меняет своего прежнего образа жизни и тем самым лишней раз доказывает, что достоин оказанной чести. Благодаря этому сохраняется уважение и к физическому труду, и к почетной должности. Им в помощь дают 12 более молодых экстраординарных сенаторов. Процедура избрания происходит в зале для торжественных собраний, в верхней части храма. Здесь избранники народа приносят ему присягу на верность, здесь же объявляют государственные постановления¹⁰³.

Такова «избранная община» Андреэ. Время, когда создавался «Христианополь», кризисное, переходное к новой общественно-экономической формации, было отмечено стремлением многих к полному переустройству мира, поиском иных форм общежития. Накануне одного из самых трагических периодов в истории Германии, Тридцатилетней войны, Андреэ пришел к мысли о перестройке жизни на началах, некогда установленных ранними христианами. Знакомство с анабаптизмом, прежде всего с теорией и практикой гуттерцев, сыграло в этом очень важную роль. Попытка вернуться к общественному устройству времен первоначального христианства и у анабаптистов, и в «избранной общине» проявилась в главном: в отказе от частной собственности, в совместном и добросовестном труде каждого, в надлежащем распределении благ, понимаемом в духе евангельского равенства. В этом Андреэ усматривал проявление справедливости. Строгость нравов, простота и патриархальность жизни сближают порядки в Христианополе с общественной организацией гуттерцев. Вместе с тем «избранная община» свободна от нарочитой суровости и отрешенности от мирских интересов, что присуще было анабаптистам. Идеи, воплощенные в «Христианополе», поставили его автора в оппозицию всему «грешному миру» (не только католическому, но в известной мере и протестантскому), хотя Андреэ и оставался до конца своих дней лютеранином.

⁹⁶ Ibid. P. 18.

⁹⁷ Ibid. P. 218—220.

⁹⁸ Ibid. P. 115.

⁹⁹ Ibid. P. 82.

¹⁰⁰ Христианополь. С. 267; Christianopolis. P. 69.

¹⁰¹ Christianopolis. P. 198.

¹⁰² Христианополь. С. 255; Christianopolis. P. 35.

¹⁰³ Christianopolis. P. 196—200.